

Кузнецhevский Владимир Дмитриевич*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных исследований РИСИ.

Имперская нация в исторической ретроспективе¹

Издательство "Новое литературное обозрение" выпустило в свет исследование одного из лучших российских специалистов по истории империй, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН, доктора исторических наук Алексея Миллера, автора книги "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении" (2000 г.), соредактора книги "Западные окраины Российской империи" (2006 г.).

Новая книга А. Миллера представляет большой интерес не только для науки, но и для реальной политики. Её содержание затрагивает самые злободневные темы нынешнего исторического бытия новой России, органично соединяя историю империи Романовых и современные идеологические и теоретические дискуссии по затронутой проблеме.

В актуальности работы легко убедиться, даже если просто познакомиться с названиями глав рецензируемой книги. Вот только некоторые из них: "История Российской империи в поисках масштаба и парадигмы" (в ней есть специальный раздел "Российская империя в сравнительной перспективе"²), "Русификация и русификации", "Нация, народ, народность в русском языке XIX века: подготовительные наброски понятий", "Империя Романовых и евреи", "Триада графа С. С. Уварова и национализм", "Империя и нация в воображении русского национализма", "Завещание общерусской идеи: меморандумы Особого политического отдела МИД царскому, Временному и большевистскому правительствам", "Вместо заключения. Многослойность имперских руин. Советское наследие "империи положительного действия".

Автор справедливо обращает внимание на то, что "современная русская историография – во всяком случае, та её версия, которая отражается в учебниках истории, – неизменно фокусируется на центре, на государстве, на власти", в то время как "национальные историографии тех народов, которые когда-то входили в империю, в свою очередь концентрируются на собственной нации и сравнительно недавно обрётённом государстве, проецируя их в прошлое. Для них империя – лишь тягостный контекст, в котором "просыпалась", зрела, боролась за независимость та или иная нация". При этом "на веру принимается стремление (центральной) власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной"³.

* kuznechevskij@riss.ru.

¹ Рецензия на книгу: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. [Изд. 2-е, испр. и доп.]. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 316 с. (Historia Rossica).

² Миллер А. И. Указ. соч. С. 45–57.

³ Там же. С. 10.

Сохраняя "верность" названию монографии, что нечасто имеет место в других произведениях, автор подробно прослеживает возникновение в русской историографии понятий "национализм", "национальность" и "национальное", "народность". В работе представлен лингвистический генезис ключевой категории этой сферы общественности – понятия "нация".

Указывая на необычайную сложность предмета своего исследования, отмечая наличие многих "неточностей и противоречий" в употреблении понятия "нация" в современной литературе, А. Миллер пишет: "Нам действительно нужна работа, которая бы систематически исследовала, когда появилось понятие "нация" в русском языке, какие другие термины со сходным значением использовались и как их набор и значение менялись во времени. Однако можно заранее утверждать, что в этом исследовании мы столкнёмся не только (и даже не столько) с разными концепциями нации, но и с настоящим морем примеров вполне произвольного и непоследовательного употребления этого термина"⁴.

Обращая внимание на сравнительную молодость самой этой сферы общественности, Алексей Миллер отмечает, что единственный словарь русского языка, изданный в XVIII в. – "Словарь Академии Российской", ещё не включает в свой контекст ни одного из ключевых для этой области понятий – "нация", "народность" или даже слова "народ". Хотя, как замечает А. Миллер, "уже в XVIII в. слово "нация" было известно и употребляемо в его современных значениях"⁵. Так, Н. А. Смирнов, изучавший в начале XX в. архивы графа А. С. Уварова (не путать с министром народного просвещения Николаем I графом С. С. Уваровым) обнаружил в его записях от 1730 г. связи "нация – народ", "демократия – народо-державство".

По-настоящему же слово "нация" обретает, так сказать, права гражданства в русском языке лишь в первые десятилетия XIX в., но и тогда проникает сначала в язык писателей и журналистов, оставаясь при этом редким, с отчётливым привкусом иностранного заимствования.

Слово "нация", пишет А. Миллер, в русский язык пришло в период Великой французской революции. В "Декларации прав человека и гражданина" 1789 г. говорилось: "Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации". Из этого документа слово распространилось по Европе и в XIX в. через Польшу усилиями П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, графа С. С. Уварова, П. А. Плетнёва, В. Г. Белинского, К. С. Аксакова и других проникло в Россию⁶.

И вот уже в 1846 г. В. Г. Белинский пишет: "Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь – национальность"⁷.

Автор показывает, с каким трудом утверждалось понятие "нация" в русской научной литературе, как долго обозначающее его слово, попавшее в русский язык из польского и французского, отторгалось

⁴ Миллер А. И. Указ. соч. С. 60.

⁵ Там же. С. 86.

⁶ Там же. С. 93–95, 97, 99, 100.

⁷ Там же. С. 29.

русскими авторами, считавшими, что слово "народ" более точное и ёмкое. Так, А. С. Пушкин использовал это слово всего трижды, из них два раза в 1835 г. под видом перевода с французского⁸. А вот слово "народ" в полном словаре пушкинского языка в разных значениях встречается 147 раз. Но по мере углубления в национальную проблематику русские авторы постепенно убедились в незаменимости понятия "нация", и слово это окончательно приобрело права гражданства.

Эти трудности А. Миллер объясняет тем, что для западноевропейской мысли "Россия долгое время (не десятилетия, а века) была объектом дискурса не просто Иного, но чужого и опасного, конституирующего Иного. Зарубежная историография, – пишет он, – весьма активно использовалась для обслуживания этого дискурса"⁹.

"Старая проблема отчуждения России от Европы, в том числе и со стороны Европы, теперь <стала> осмысливаться с помощью понятия "национальность", – пишет А. Миллер, ссылаясь при этом на авторитет Н. Я. Данилевского: "Данилевский, настаивавший... именно на враждебности Европы и России, тоже писал об этом, используя понятие национальность... Народность и национальность у Данилевского – синонимы... Россия в концепции Данилевского оказывалась одновременно и "исторической национальностью", объединённой собственным государством, и представительницей славянского культурно-исторического типа, идея нации сочеталась с панидеологией и тяготела к культурной замкнутости"¹⁰.

По-видимому, чтобы подчеркнуть правомерность тезиса Данилевского о враждебности России и Европы как двух субъектов международных отношений, автор рецензируемой монографии со ссылкой на работу П. Шрёдера "Австрия, Великобритания и Крымская война. Разрушение концерта европейских держав" (издание Корнельского университета 1972 г., на англ. языке) высказывает интересный тезис об антироссийской игре Великобритании на европейском внешнеполитическом поле.

Как известно, в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. объединённые под эгидой Великобритании европейские державы совместно с Турцией нанесли России сокрушительное поражение. Тем не менее после окончания этой войны Лондон пришёл к выводу, что его победа – дело временное, что пройдёт время, и ему вновь придётся столкнуться с Россией. И что же? Снова сколачивать против неё коалицию европейских держав? Лондон пошёл по другому пути. Сразу после Крымской войны Британия решает в противовес России создать в Европе ещё одну крупную континентальную державу, которая в случае необходимости могла бы противостоять Российской империи. Результатом "стало согласие держав на объединение Германии, новой континентальной империи на окраинах Запада"¹¹. Так в 1871 г., через 15 лет после поражения Франции в ходе франко-прусской войны, "железному канцлеру" Пруссии Отто фон Бисмарку настоящие хозяева Европы "разрешили" объединить все карликовые германские государства под эгидой Пруссии. И на европейской сцене появилась Германская империя.

⁸ Миллер А. И. Указ. соч. С. 86.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 107–108.

¹¹ Там же. С. 44.

Вся восьмая глава монографии посвящена обзору европейских дискуссий 20–30-х гг. прошлого века между покинувшими Советскую Россию представителями русской интеллигенции, придерживавшимися националистических взглядов (князь Н. С. Трубецкой и другие), деятелями Февральской революции (В. В. Шульгин, П. Н. Миллюков), украинскими националистами (гетман П. Скоропадский, профессор Д. Дорошенко) и некоторыми другими о "концепции общерусской нации как единого целого, отрицающего украинскую и белорусскую национальную обособленность". "Эти материалы... – пишет А. Миллер, – дают современному читателю возможность убедиться, как мало нового содержали дискуссии на эти темы, которые столь активно велись в конце XX и начале нынешнего века. В статьях идёт речь и о том, что единственный способ обезвредить Россию – это оторвать от неё Украину, и о необходимости провести границу Европы по восточной границе Украины, и о том ущербе, который понесла Европа, позволив азиатской Москве оторвать от себя Польшу и Украину"¹².

Автор монографии обращает внимание на то, что русская эмиграция 20-х гг. прошлого века в пропагандистском плане очень много сделала для того, чтобы "сохранить идею "русской", или "общерусской", общности именно как национальной"¹³. Но сам Миллер, похоже, этих идей явно не разделяет. Судя по тексту, никакая общерусская идея ни в каком виде ему не подходит. Это видно хотя бы по его реакции на деятельность тех российских учёных, которые активно стремятся вернуть современному читателю работы тех выдающихся русских мыслителей начала XX в., которые в советское время выпали из научного оборота. В частности, А. Миллер пишет: "Последнее время дореволюционные антиукраинские тексты активно переиздаёт М. Б. Смолин. Дело это небесполезное – такие публикации могут служить хорошим источником для изучения одного из направлений русской националистической мысли того времени. Беда лишь в том, что Смолин и его коллеги искренне убеждены, что с тех пор ничего не изменилось, и видят в публикуемых ими сочинениях начала XX в. адекватный ответ на современную ситуацию"¹⁴.

Здесь налицо явная передержка в дискуссии со своими оппонентами. Те, кто хорошо знаком с широко издаваемыми ныне М. Б. Смолиным работами И. Л. Солоневича, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, А. А. Шахматова и других, даже при очень пристрастном подходе не смогут обнаружить в них антиукраинского уклона. Вряд ли случайно, что сам А. Миллер филиппику в адрес М. Б. Смолина задал в подстрочник и не смог привести ни одной цитаты в поддержку высказанной им позиции. Но это – *a propos*.

Затрагивая острый вопрос представительства так называемой "имперской нации", т.е. русских, в правящем слое, А. Миллер обращает внимание на то обстоятельство, что в царской России кадровый состав чиновничества вполне соответствовал национальному составу империи. Ссылаясь на работы канадско-американского исследователя С. Величенко, автор указывает на два заблуждения на этот счёт. Во-первых, он

¹² Миллер А. И. Указ. соч. С. 257–258.

¹³ Там же. С. 271.

¹⁴ Там же. С. 272.

обращает наше внимание на то, "насколько обманчив образ раздутой бюрократии в империи Романовых. На самом деле империя страдала от "недоуправляемости", от недостатка чиновников, численность которых в пропорции к населению была едва ли не в десять раз ниже, чем в метрополиях Французской, Британской и Германской империй, и была весьма похожа на соответствующие показатели заморских колоний Британии и Франции". А во-вторых, "исследуя состав бюрократии на западных окраинах", нетрудно заметить, что "представители местного населения были представлены среди чиновников в пропорциях, которые в целом соответствовали удельному весу различных этнических групп в этих губерниях"¹⁵.

Указанный пассаж звучит весьма современно, если учесть, что в наши дни неадекватное представительство этнических групп и наций в правящих элитах национальных субъектов Российской Федерации стало острой политической проблемой, на которую вынуждено обращать внимание высшее руководство страны. Так, 11 февраля 2011 г. на заседании президиума Государственного совета в Уфе президент Д. А. Медведев специально указал на то, что "во всех без исключения территориях должна проводиться сбалансированная кадровая политика". "Не секрет, – сказал он, – что при формировании органов власти отдельных республик, краёв и областей существуют негласные ограничения для представителей определённых национальностей. Это абсолютно аморальная ситуация", и поручил правительству немедленно представить предложения "по искоренению таких перекосов, даже если это приобрело уже исторический характер"¹⁶.

Не обошёл вниманием А. Миллер и ещё одну острейшую с современной точки зрения проблему – национализм в его классическом понимании, увязав нынешние его проявления (т.е. уже после распада СССР) с наследием Советского Союза.

"Советская империя, – пишет автор, – была не совсем обычной империей. Это была империя положительно характера в отношении малочисленных национальностей и народов в её составе". В подтверждение этой мысли А. Миллер ссылается на известного западного исследователя Терри Мартина, который описывает "СССР как новый вид империи – с позитивной характеристикой, а советскую национальную политику – как радикальный разрыв с политикой империи Романовых"¹⁷.

Большевики, как утверждает автор, шли даже на то, что отказывали "в праве на национальную автономию в местах компактного проживания русских в союзных республиках", в "праве на их национальное представительство во властных структурах автономных республик". Более того, они осуждали "русскую культуру как буржуазно-помещичью, как имперскую культуру угнетателей". "Большевики по сути... создавали национальные элиты там, где их не было или они были слабы. Они распространяли и поддерживали в массах различные формы национальной

¹⁵ Миллер А. И. Указ. соч. С. 55.

¹⁶ Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // Официальный сайт Президента России. 2011. 11 февраля. URL: <http://news.kremlin.ru/news/10312>.

¹⁷ Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? / Т. Мартин // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 55–87.

культуры и идентичности там, где эта задача стояла на повестке дня. Они способствовали территориализации этничности и создавали национальные образования на разных уровнях"¹⁸. "В рамках советской политики, – цитирует А. Миллер Терри Мартина, – государствообразующий народ, русские, должен был подавлять свои национальные интересы и идентифицировать себя с империей положительного действия"¹⁹.

В результате вся эта политика привела к тому, что в конце существования Советского Союза созданные таким образом национальные элиты начали писать свою собственную национальную историю и на базе индустриализации, урбанизации и распространения грамотности под лозунгами демократии оправдывали вычленение своих национальных образований из состава "советской" империи²⁰.

Большую ценность представляет собранная А. Миллером зарубежная библиография последних исследований по истории российской империи как советского, так и царского периодов. Библиографический раздел рецензируемой монографии включает в себя 392 источника на русском, английском и немецком языках. При этом автор широко цитирует эти исследования, позволяя читателю получить полное представление о состоянии рассматриваемой проблемы за рубежом.

¹⁸ Миллер А. И. Указ. соч. С. 282.

¹⁹ Там же. С. 283.

²⁰ Там же. С. 55.